

Штерн Вильям

**Одаренность детей и подростков и методы ее
исследования**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В46

В46 **Вильям Ш.**
Одаренность детей и подростков и методы ее исследования / Штерн Вильям – М.: Книга по Требованию, 2024. – 406 с.

ISBN 978-5-521-31669-4

ISBN 978-5-521-31669-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О чем трактует эта книга, что собой представляет ее автор и как подходит он к освещению основных затрагиваемых им проблем?

Основная ценность книги В. Штерна—не в его мировоззрении, не в его определениях и не в его системе. Основная ценность ее в богатстве фактического материала, без которого все определения и системы пусты. Этот материал имеет тем большее значение, что он касается важнейших социальных и педагогических проблем нашей эпохи.

Заглавие книги говорит об „одаренности“. „Одаренность“ это достаточно неудачный термин для обозначения достаточно неопределенного понятия.

Словом „одаренность“ переводят у нас немецкое „Intelligenz“, французское „Intelligence“, английское „Intelligence“. Это нечто иное, чем русское „интеллигентность“, ибо русское „интеллигентность“ связано с русским представлением об „интеллигенции“ и имеет в виду и известную долю образованности и известное направление интересов. Под словом же *Intelligenz* понимают нечто такое, что не должно зависеть ни от объема познаний, ни от характера интересов, но, скорее, наоборот, могло бы объяснить способность усваивать знания или способность теми или иными вещами интересоваться.

Сам В. Штерн, германизируя этот романский термин, заменяет его длинным выражением „общая умственная одаренность“—„*allgemeine geistige Begabung*“.

Более удачного перевода не нашли и переводчики русские.

Однако, затруднения в выборе термина совершенно ничтожны, по сравнению с затруднениями в определении самого понятия „одаренность“. Сам Штерн определяет одаренность, как „общую способность индивидуума сознательно направлять свое мышление на новые требования“, как „общую умственную

приспособляемость к новым задачам и условиям жизни“ („allgemeine geistige Anpassungsfähigkeit an neue Aufgaben und Bedingungen des Lebens“).

Это определение пользуется в мировой литературе большим вниманием, чем какое-либо другое. Вниманием, как в смысле его признания, так и не в меньшей мере и в смысле критики. Оно нашло свое наиболее яркое развитие у Clappared'a и Thurstone'a и своих наиболее выдающихся противников в лице Thorndike'a и Spearman'a. Возражения Thorndike'a направлены, однако, главным образом, против признака „новизны“, и базируются, главным образом, на трудности отличения, что „ново“ и что не „ново“ для испытуемого, а также на том, что наши методы для измерения „одаренности“ относятся одновременно, как к новому, так и к уже известному прежде. Возражения Spearman'a, наоборот, направлены на „приспособляемость“ и ставят в вину Штерну телеологичность его определения и отсутствие в нем представления о внутренней природе одаренности.

Таким образом, определение Штерна нельзя считать общепризнанным.

Однако, среди десятков других определений „одаренности“, известных современной литературе (особенно после знаменитой анкеты американского „Journal of Educational Psychology“—в 1921 г., результаты которой с тех пор постоянно и всюду цитируются) не оказалось ни одного, которое завоевало бы общепризнанность,—хотя каждое из них и улавливает какую-нибудь сторону или черту „одаренности“.

Значит ли это, что книга Штерна трактует о чем-то таком, что неуловимо и неопределенно по самому своему существу? Или здесь происходит то самое, что происходило в физике, которая сначала научилась измерять теплоту и электричество, а потом уже подошла к освещению их „природы“.

Всякая наука на заре ее развития проходит через фазу первичного накопления и систематизации фактов. Системы и определения появляются или как зрелые плоды осведомленности в фактах, или как бессильные пустоцветы. И потому, мы скорее можем простить незавершенность определений и систем, чем отсутствие или незначительность фактов.

Основная ценность книги Штерна, как я сказал уже—в фактах, а не в определениях и не в системе.

Правда, об'ем фактического материала, собранного Штерном, является уже несколько устаревшим. Устаревшим не по вине автора, устаревшим потому, что именно за последние годы сделано в этой области особенно много нового. И потому, мы не находим в книге Штерна ни освещения широчайших по масштабу постановки опытов школы Термана, ни тех почти необозримых материалов, которые были накоплены после испытания в 1918 г. американской армии т. н. групповыми тестами, которые открывают в этой области совершенно новые перспективы.

Но ценность книги Штерна в том, что она не утрачивает своего интереса и своей свежести,—особенно для русского читателя, несмотря на эту устарелость. Ибо, вряд ли есть другая книга, которая была бы так богата психологическим анализом и психологической интерпретацией разнообразных тестов, как эта книга Штерна и которая давала бы такой широкий охват проблемы в целом с различнейших ее сторон. Это одна из немногих книг, к которым невольно снова и снова вынужден возвращаться исследователь „одаренности“ в своих работах и которая могла бы быть настольной книгой не только для всякого психолога, но и для всякого вдумчивого педагога.

Кто такой В. Штерн? Имя Вильяма Штерна связано с двумя понятиями: с понятием „дифференциальной психологии“ и с понятием „персонализма“. Если „персонализм“ Штерна,—его концепция философская,—не выявил еще окончательно того зерна истины, которым суждено ему обогатить мысль человечества, то в книге „*Differenzielle Psychologie*“ мы имеем монументальный по охваченному материалу памятник для целой эпохи психологических исканий.

Суть этой эпохи в том, что она не стремится, как предшествовавшая ей эпоха „экспериментальной психологии“, устанавливать всеобщие для всех людей одинаковые законы, на подобие физических, и не стремится,—как английские ассоциационисты и их современные биологически настроенные эпигоны,—найти универсальный элемент, атом психологической жизни.

Дифференциальная психология—это отражение в психологической мысли того общего поворота научного интереса

от обобщающих законов к конкретному многообразию мира,— которое характеризует конец XIX и начало XX века и которое связано с именами Риккерта и Виндельбанда в философии. Ветеранам „экспериментальной“ психологии это направление было еще чуждо. Cattell, ученик Вундта, вынужден был создать свою лабораторию в Нью-Йорке, чтобы заняться теми самыми различиями между людьми, которые Вундт не считал заслуживающими интереса—и изучение которых составляет основную силу психологии нашего времени. Эббингауз, Мейман и десятки других исследователей совершают тот же поворот в Германии. Собирается гигантский материал, расширяющий наше представление о психике и проливающий новый свет на перспективы исследования. В. Штерн не явился родоначальником этого направления, но он был его выразителем и вдумчивым систематизатором накопленных фактов.

Измерения „одаренности“ не являются единственным методом для изучения индивидуальных различий. Они охватывают лишь одну сторону психики и, по Штерну, отнюдь не важнейшую сторону. Но эта сторона—единственная, которая позволяет в наше время не только наблюдение, описание, трактовку, но и более или менее точное измерение. В этом—пункт соприкосновения психологии тестов с Вундтовским экспериментализмом. Тесты сочетают измерительный пафос эксперименталистов с интересом дифференциальной психологии к различиям между людьми. И, может быть, именно в этом источник того повышенного внимания, которое обнаруживает к тестам Штерн, хотя исследование „одаренности“, как таковое, отнюдь не может считаться центральной темой его теоретических интересов.

Этим своеобразным местом собирателя и систематизатора, которое занимает В. Штерн в истории психологии, определяются и своеобразия свойственной ему трактовки темы.

В чем основные особенности этой трактовки?

Склонность к широкому систематизирующему охвату дифференцирующих фактов сочетается у Штерна с тонким восприятием психических реальностей и с живым и ярким чутьем к своеобразию и целостности человеческой личности. Интерес к многообразиям людей и многообразию личности не мешает

ему искать живое связующее начало, которое это многообразие объединяет. Богатство накапливаемого опыта относительно психологических фактов и различий не может в нем остаться богатством хаоса, оно ищет объединяющей целостности, которая придавала бы этому хаосу стройные формы. Где искать этих форм? Мыслимо искать их в физике. Можно искать в биологии и физиологии. Штерн — больше философ, чем естествоиспытатель. Он не только не находит, но и не ищет разрешения основных проблем ни в физиологии, ни в физике. Если он определяет „одаренность“ через „приспособляемость“ — то это — скорее биологическое благочестие, а может быть даже только биологическая аналогия, чем биологическое мировоззрение.

И потому, эта „приспособляемость“, раз будучи декларирована, отнюдь не пытается в дальнейшем выступить в качестве действенного понятия, которое вскрывало бы на самом деле ту единую реальность, которая лежит под различиями „типов“ и „функций“ одаренности. Этим отличается Штерн от Клапареда, для которого „одаренность“ — действительно биологическая категория, находящая свое место в ряду других биологических категорий, как вид от некоторого рода с четко выявленными и родовыми и видовыми признаками.

Ни в биологии, ни в физике Штерн разрешения психологических проблем не находит. Единство своей психологической системы он пытается построить в замкнутом кругу психических реальностей, лишь прикрываемых иногда биологической фразеологией. Личность в ее целостном единстве и в разворачиваемых ею при соприкосновении со средой целях и предрасположениях, — это и есть та реальность, которая является для него конечной. Объяснение этих целей и предрасположений путем конструирования их по естественно-научным законам не привлекает его.

В этом источник того своеобразного идеализма, отблеск которого не может не чувствовать читатель в книгах Штерна.

В области психологии не так легко освободиться от идеализма. Это трудно не потому, что самый объект психологии по природе своей отличается от объектов других наук по способу своего восприятия (восприятия в значительной мере непосредственного, а не через органы чувств). Трудно потому,

что ни психология, ни физика не накопили еще достаточных знаний, которые позволяли бы реально, а не словесно объединить эти две как будто столь несходные области. Отсюда неизбежные соблазны в психологии, которая хочет стать научной. Соблазны излишней торопливости, которая полагает объясненным еще вовсе необъясненное. И соблазны психологической изолированности, которая отвергает вовсе возможность естественно-научного понимания психики.

И те и другие соблазны имеют свою историческую правоту. Правоту ищущего дерзания в первом случае. И правоту честной констатации реальностей, хотя бы еще и необъяснимых,—во втором случае. У разных людей разное направление их научный вкус. Никто не может еще разрешить задачу полностью. Каждому приходится в чем-то себя ограничить. Одни предпочитают ограничиваться установлением научных закономерностей за счет полноты охватываемых реальностей, другие—констатацией реальностей в их нетронутой цельности за счет отыскания закономерностей. Оба направления играют положительную научную роль, но они играют ее лишь до тех пор, пока не начинают претендовать на свое монопольное владычество над мыслью.

Они оба выгодно отличаются от того „научного“ направления, которое отрицает вовсе психологические факты, ему непонятные. И которое играет в психологии ту самую роль, которая обычно называется ролью вандала.

Но если умышленно ограничивающий себя пределами точно установленных объективных фактов экспериментатор и брезгливый к неудовлетворяющим его объяснениям, но честный в констатации реальностей апологет интроспекции—дают больше науке, чем беспардонные отрицатели,—то это не значит, что по линии экспериментального аскетизма или по линии интроспективной целомудренности лежит действительный путь к научному пониманию психики.

Мы не можем требовать от психологии, чтобы она ответила на вопросы, на которые еще ответить не в силах. Но мы можем ожидать от нее, чтобы она строила свои понятия, хотя бы направляя их к мыслимому объединению с другими науками, а не замыкалась в самодовлеющем психизме. Мы должны ожидать от психологии таких разграничений психических реальностей и таких обобщений их, которые пытались бы

осветить пути для физиологии, физики и химии в их попытках подойти к тем же реальностям со своей стороны. Именно в этой тенденции, и только в ней пока,—могло бы сказаться подлинно естественно-научное направление в психологии,—если говорить о действительной психологии, а не о физических или биологических сурогатах ее.

Такой естественно-научной направленности мы у Штерна не замечаем. И потому мы не можем найти удовлетворения в его освещении фактов.

Но факты остаются фактами, и наука не может их ни игнорировать, ни отрицать, в каком бы освещении они ни были нам преподнесены.

Общее освещение, которое дается фактами, не опасно, ибо его легко заметить, и читатель всегда может отвлечься от неприемлемого освещения и заменить его тем, которое ему представляется более правильным.

Гораздо серьезнее обстоит дело с теми разграничивающими понятиями, в соты которых вкладывает автор мед своей психологической проницательности.

Эти разграничивающие понятия,—различение типов одаренности (реактивного и спонтанного, об'ективного и суб'ективного, аналитического и синтетического, теоретического и практического) и отдельных функций „интеллигентности“ составляют в своей совокупности главный костяк книги. Вокруг них концентрируется все то богатство меткой и тонкой психологической проницательности, которым так импонирует книга. Но именно на этих понятиях сказался с особой жестокостью характер той стадии в развитии психологии, выразителем которой явился В. Штерн.

Всякая наука переживает ряд стадий, неизбежных в ее последовательном развитии. Каждая стадия подымается над предыдущей и благодаря ей. Наука начинает с собирания фактов, только после этого она может складывать их в отдельные группы.

После этого делается возмозможность классификация фактов.

и без

неси

за

немыслимы без многих десятилетий заботливого накопления наблюдений, об'единяемых относительно неглубокими понятиями.

Эпоха В. Штерна—это эпоха первоначального накопления эмпирических обобщений в дифференциальной психологии. И потому его понятия—это не понятия, изнутри аналитически освещающие и обобщающие факты,—это понятия, только называющие. Здесь еще нет настоящей теоретической классификации, которая вскрывала бы общее между вещами по виду весьма отличными и выявляла бы различия между вещами на первый взгляд сходными.

Здесь нет стройной системы постепенно разветвляющихся и четко дифференцирующихся классов и видов. Ибо нет еще тех понятий, действительно основных, которые могли бы лечь в фундамент для такой классификации. Отдельные эмпирические обобщения и противопоставления об'единяют психологические реальности в их более или менее случайных, в житейском или в научном быту, сложившихся комплексах. Эти понятия разрознены, независимы друг от друга, и потому в них неизбежно теряется то целостное единство личности, которое В. Штерн сам постоянно так талантливо утверждает.

Было бы поспешно, конечно, сделать отсюда вывод, что эти эмпирические обобщения уже утратили свою ценность. Теоретическая незрелость систематики Штерна—это теоретическая незрелость современной психологии вообще. И пока она не преодолена никакой общепризнанной системой понятий аналитических, она будет сохранять для науки свою ценность не только при интерпретации отдельных проявлений „одаренности“, но и при оценке границ и значения отдельных изме-

„одаренности“, различает в ней два фактора. General Factor, центральный фактор, некоторый общий запас психической энергии, свойственный человеку, и механизм (engine), который обуславливает различия в индивидуальных формах проявления этой энергии. С своей стороны и главный оппонент Spearman'a, E. Thorndike дает свое определение „одаренности“ („способность хорошо отвечать с точки зрения истины“) — без всяких оговорок по поводу широты применения этого определения и тем самым как будто признает, что существует нечто общее во всех тех отдельных проявлениях одаренности, на различении которых он настаивает. Эти различные проявления выступают у него не как отдельные, совершенно несвязанные свойства, а как различные специализации интеллекта. Подобный же взгляд был изложен и мною в „Трудах“ Харьковского Института Труда, в. I („русла“).

Казалось бы, расхождения здесь несущественны. Обе стороны признают нечто общее. Обе стороны признают различия. Но суть дела в том, какое значение придается этим различиям. Суть дела в том, в какой мере мы можем считать результаты испытания по одной „специализации“ (или „руслу“) симптоматическими и для всех других.

Это очень большой и очень сложный вопрос, вокруг которого происходит поныне не мало споров, и который еще не только не освещен до конца произведенными до сих пор исследованиями, но, быть может, нуждается еще для своего освещения в дальнейшем развитии самих методов исследования.

Между тем то или иное решение этого вопроса имеет для нас особое значение, так как оно имеет ближайшее отношение к оценке социального смысла всей системы испытаний „одаренности“ вообще.

Штерн сопоставляет известные ему данные относительно сравнительной одаренности детей разных социальных классов. Эти сопоставления склоняют его к выводу, освещаемому им и теоретически, именно к тому, что дети более обеспеченных классов в общем имеют одаренность более высокую, чем дети необеспеченных классов.

Этот вопрос — о распределении „одаренности“ между детьми различных общественных классов, не перестает служить темой для исследований. Почти нет исследователя, который бы так или иначе к этой проблеме не возвращался.

И в большинстве случаев действительно исследования как будто приносят результаты в пользу классов „высших“. Из этого казалось бы бесстрастного об'ективного установленного наукой факта иногда делают или стремятся делать дальнейшие выводы далеко не бесстрастного характера.

Сам Штерн в этом вопросе соблюдает некоторую благонамеренную наивность. Если применить испытания одаренности в качестве орудия для выдвижения учащихся к высшей школе, то такая мера удовлетворила бы Штерна во всех отношениях. Высшие классы не потеряли бы от этой меры, ибо их дети все равно имеют преимущество в „одаренности“. А если некоторые из детей высших классов оказались бы забракованными,—вследствие дегенерации их семейств,—то это не так плохо. Не страшит Штерна и то, что при такой мере подымутся наверх некоторые выходцы из низов, которые прильют свежей крови в дряхлеющую аристократию. Нравится Штерну также и то, что испытания преградят путь к чрезмерному выдвижению тем некультурным „новым богачам“, которые пролезают наверх и шокируют его аристократический вкус.

Это благонамеренное стремление сочетать аристократизм с некоторой видимостью демократизма само по себе еще достаточно безобидно. Если в нем нет активной социально-устрояющей мысли, то в нем нет еще пока и социальной опасности.

Но находятся деятели, которые делают выводы более откровенные и более серьезные, чем Штерн.

Если „одаренность“ распределена между людьми различно, то не пора ли пересмотреть принципы демократии? Не пора ли сосредоточить руководство общества в руках „одаренных“, оттеснив от него „неодаренных“? Так поворачивают иногда этот вопрос. В сочетании с тем, что было сказано о распределении „одаренности“ среди детей разных классов, эта идея приобретает совершенно определенный и циничный классовый характер.

Вот почему вопрос о социальном распределении „одаренности“ требует к себе у нас специального и особенного внимания.

Прежде всего, мы должны установить точно, действительно ли дети высших классов имеют преимущество в „одаренности“.